К.В. Мельчакова. Босния и Герцеговина в российской общественно-политической жизни в 1856–1875 гг. М.: Индрик, 2019.

DOI: 10.31857/S0869544X0009521-6

В последнее десятилетие историография проблем Боснии и Герцеговины пополнилась несколькими значимыми работами по османскому периоду, написанными на основе новых архивных данных. Среди них особое место занимает монография Ксении Валерьевны Мельчаковой, посвященная становлению и развитию российско-боснийских отношений в 50–70-е годы XIX в.

Книга «Босния и Герцеговина в российской общественно-политической жизни в 1856–1875 гг.» состоит из пяти глав. В первой – «Российские императорские консульства в Боснии и Герцеговине в 1856–1875 гг.» – автор реконструировала историю дипломатических представительств. Большое внимание К.В. Мельчакова уделила деятельности Александра Федоровича Гильфердинга (1831–1872) – ученого, славянофила и первого русского консула в Сараеве, который «должен был составить самое полное представление о крае» (с. 67). Исследовательница подробно проанализировала его работы «Босния, Герцеговина и Старая Сербия» и «Босния в начале 1858 года». Кроме того, в первой главе повествуется о работе дипломатов после отъезда Гильфердинга. В Сараеве это: Евграф Романович Щулепников, бывший консулом в 1858–1868 гг., Алексей Николаевич Кудрявцев (1868–1877); в Мостаре – Валериан Владимирович Безобразов (1859–1866) и занимавшие должности вице-консулов Николай Александрович Иларионов (1866–1872) и Яков Петрович Славолюбов (1872–1875). Автор привела данные о деталях дипломатической службы: ежедневном функционировании консульства, зарплатах сотрудников, особенностях установления контактов с местными властями, коллегами из других стран, церковными иерархами и др. Консулы великой славянской державы представлены обычными, не лишенными слабостей людьми. Так, карточные долги Щулепникова собственным охранникам, кавазам, мешали исполнению обязанностей консула: его обвинили в присваивании помощи, отправляемой из Москвы и Петербурга в Боснию и Герцеговину (с. 105–107).

Во второй главе «Боснийский вопрос и русское общество в 1850–1870-е годы» Мельчакова сфокусировалась на деятельности благотворительниц во главе с Антониной Дмитриевной Блудовой, а также Святейшего синода и Славянского благотворительного комитета. Говоря о пробуждении интереса российского общества к Боснии, автор снова обратилась к работе А.Ф. Гильфердинга – на этот раз как организатора помощи боснийцам. Первый русский консул в Сараеве предложил Святейшему синоду присоединиться к оказанию помощи православной церкви в Боснии и Герцеговине.

История благотворительности в России во второй половине XIX в. напрямую связана со Славянским благотворительным комитетом, утвержденным Александром II и поддерживаемым императорской фамилией. Кроме того, касаясь темы помощи зарубежным славянам, невозможно было обойти вниманием работу протоиерея Михаила Федоровича

Раевского. К.В. Мельчаковой удалось раскрыть его роль для истории Боснии и Герцеговины. Трудно представить благотворительность без обращения к широкой публике, что показано на основе анализа периодической печати, где самым активным публицистом предстает А.Ф. Гильфердинг.

В главе «Деятельность России по оказанию помощи православной церкви и просвещению в Боснии и Герцеговине в 1856–1875 гг.» в первую очередь были реконструированы поездки священнослужителей (в частности, иеромонаха Прокопия Чокорило, архимандритов Серафима Перовича и Саввы Косановича) в Российскую империю с целью сбора денег в пользу церквей. Косанович являлся значимой фигурой не только в истории православной церкви Боснии, но и всего региона. Автор объяснила роль российского МИД, Святейшего синода, славянских комитетов и, конечно, русских людей в деле строительства православного храма в Сараеве, на который собирал деньги С. Косанович.

В качестве примера участия русских деятелей в организации просвещения в монографии освещена история школы для девочек Стаки Скендеровой, отмечена роль русских дипломатов и благотворителей, особенно А.Д. Блудовой. На русском языке впервые воссозданы биография С. Скендеровой и история ее уникального учебного заведения, открытого в османской провинции для представительниц всех вероисповеданий. Последний параграф третьей главы посвящен истории обучения боснийцев и герцеговинцев в российских учебных заведениях. Автор нашла в российских архивах новые сведения о таких знаменитых людях, как Йован Пичета, Васа Пелагич, Йован Дреч и др.

В четвертой главе, «Боснийский вопрос в русско-сербских отношениях в 1856–1875 гг.», К.В. Мельчакова обратилась к истокам одной из самых сложных проблем на Балканах – интересу Сербии к Боснии и Герцеговине в 1860-е годы. Особое внимание уделено неоднозначной фигуре Матии Бана, возглавлявшего тайный комитет по освобождению Боснии. Исследовательнице удалось найти в архивах Сербии и Сербской академии наук и искусства документы о помощи Сербского княжества в организации школ в Боснии и Герцеговине. Автор сообщила об эпизодах совместной работы консулов, боснийских уроженцев – выпускников российских учебных заведений, представителей сербской православной церкви и сербских властей. Историк подчеркнула цель сербского правительства, которую оно преследовало в Боснии и Герцеговине: «Учебные заведения должны были стать [...] центрами для подготовки чет, а учителя – потенциальными командирами повстанческих отрядов» (с. 320). Как установила К.В. Мельчакова, корреспонденция сербских агентов – организаторов школ проходила через российские консульства. Интересен вывод о том, что сербские агенты после учреждения школ в местах, где предполагались боевые действия, отправляли в Россию просьбы о помощи именно этим школам, в курсе чего были руководители благотворительных организаций – И.С. Аксаков, Н.А. Попов, А.Ф. Гильфердинг. Также в четвертой главе отмечено положение православного духовенства и его контакты с сербскими религиозными и политическими деятелями.

В пятой главе – «Другой ракурс: русские планы в отношении Боснии и Герцеговины в контексте политики Османской империи и монархии Габсбургов» – сделана попытка рассмотреть Боснию и Герцеговину как часть контактной зоны между Востоком и Западом и как окраину Османской империи. Здесь приведены статистические данные из русских источников: о населении, о миграции, о переходе в другие религии. Кроме того, автор затронула проблему реализации османскими властями реформ танзимата в Боснии и Герцеговине в 1860–1870-е годы. В конце главы дана характеристика политики Габсбургской монархии в провинции.

В «Заключении» К.В. Мельчакова сделала краткие выводы. Во-первых, Россия чувствовала ответственность за состояние православного мира, и это было «не просто прикрытием для воплощения в жизнь внешнеполитической стратегии правительства, а вполне реальной позицией» (с. 394). Во-вторых, отношение России к планам Сербии в Боснии и Герцеговине менялось от поддержки идеи подготовки освободительного восстания до убеждения в преждевременности присоединения Боснии и Герцеговины к молодому

княжеству. В-третьих, ни Сербия, ни Россия, ни Австро-Венгрия не учитывали чаяния самих боснийцев и герцеговинцев. В конце автор написала о двойственности внешней политики России во время Восточного кризиса конца 1870-х годов.

Работа К.В. Мельчаковой является неоценимым вкладом в изучение истории Боснии и Герцеговины. Повествование обогащают портреты и иллюстрации. Большую ценность имеют впервые опубликованные рисунки А.Ф. Гильфердинга, обнаруженные в Российском государственном архиве литературы и искусства. Особо стоит отметить, что автор включила в книгу уникальные фотографии из альбома П.П. Пятницкого, совершившего путешествие в Боснию и Герцеговину в 1867 г. и оставившего изображения крестьян, православных монахов, дервишей, военных, а также фотографии монастырей. Для истории региона фотоальбом представляет огромную ценность: до сих пор фотографические снимки из Боснии и Герцеговины 1860-х годов не были известны. Поражает, как буквально по крупицам в разных архивах исследовательнице удалось собрать интереснейший материал по разным эпизодам истории русской дипломатии, внешней политики правительства Александра II, общественно-политической жизни России.

Книга К.В. Мельчаковой может по праву рассматриваться как часть историографии общественных организаций и российской благотворительности, которая шагнула за границы империи и стала международной. Тема благотворительности в российской историографии еще мало изучена. В монографии «Босния и Герцеговина в российской общественно-политической жизни в 1856–1875 гг.» показано, как общество и правительство вступили в диалог и начали работать вместе над оказанием помощи зарубежным единоверцам. Каждая из сторон преследовала и свои цели по укреплению влияния на Балканах. Поскольку это был начальный этап организационной работы, не все было безоблачно, встречались трудности и упускались из виду некоторые важные моменты. Исследовательница не утаила и нелицеприятные эпизоды истории: например, выяснилось, что славянские комитеты отправляли на Балканы старую, непригодную утварь (с. 164). Чтобы найти такие не известные ранее детали, очевидно, автор совершила своего рода прорыв в поиске источников.

Большой акцент на восстановлении событий и фактов деятельности русских дипломатов и общественности в Боснии и Герцеговине, а также решение поместить описание положения края как провинции Османской империи в самый конец монографии создают впечатление у читателя, что Боснию и Герцеговину открыли русские. С этим соотносится и описание предмета исследования – Босния как *terra incognita* для российского общества, знакомство русских с краем. Тем самым автор следует традиции отечественного славяноведения XX в., рассматривая регион не как часть другой империи, но как населенную славянами самостоятельную территорию, которая была объектом политики только России или Сербии. Раньше такой выбор объяснялся, в частности, тем, что изучение истории Боснии и Герцеговины ограничивалось в основном документами из российских архивов. В современной исторической науке накоплено достаточно материала из османских, британских и других архивов. Например, в последнее время вышли работы «Боснийские восстания эпохи танзимата, 1839–1878» З. Гёлена (*Gölen Z.* Tanzimat dönemi Bosna isyanları, 1839–1878. Alter, 2009), «Османская империя и Боснийское восстание: янычары, модернизация и сопротивление в XIX веке» Ф. Сель Турхан (*Sel Turhan F.* The Ottoman Empire and the Bosnian Uprising: Janissaries, Modernisation and Rebellion in the Nineteenth Century. London, 2014), «Босния и Герцеговина в британской политике в 1857–1878 гг.» Э. Радушича (*Radušić E.* Bosna i Hercegovina u britanskoj politici od 1857. do 1878. godine (Od branitelja do tužioca i sudije), Sarajevo, 2013). Опора на традиции советской историографии ограничила интерес к использованию других подходов и идей и сузила выбор научного инструментария для анализа и объяснения процессов, которые шли в российском и боснийско-герцеговинском обществах, во взаимодействиях России и православных подданных Османской империи и т.д. Здесь был бы не бесполезен опыт социальной антропологии, изучающей полиэтничные и поликонфессиональные сообщества, в том числе и на Балканах, не говоря уже о современных

теориях наций и национализма. Иначе историк может только реконструировать, но не объяснять факты и явления, оставляя читателю свободу самостоятельно делать выводы из изложенного материала. Гипотеза же автора о том, что к середине XIX в. боснийцы перестали ощущать свое этническое единство, а религиозная принадлежность стала маркером национальности (с. 11), остается неподкрепленной ни ссылками, ни убедительным анализом. Впрочем, если предположить, что основная цель монографии была в воссоздании цепи событий (на основе источников и в максимально возможной полноте), то она, несомненно, достигнута.

Труды старших поколений ученых по изучению политической истории дали возможность К.В. Мельчаковой обратиться к другим аспектам русско-боснийских отношений и рассмотреть их в новом ракурсе. Тем более интересно, что автор использовала документы, которые не вошли в публикации «Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1850–1864. Документы» (М., 1985), «Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1865–1875. Документы» (М., 1988). Становится понятно, что в опубликованных в советское время сборниках предстает несколько приглаженный образ братских славянских народов и русской внешней политики. С помощью отсеянных документов и впервые вводимых в научный оборот архивных находок К.В. Мельчаковой удалось по-иному показать историю русского присутствия на Балканах – через судьбу конкретных людей и их повседневную жизнь. Благодаря монографии четче стали видны контуры взаимодействия правительства и общественности: консулы одновременно были дипломатами, распределителями помощи и связующим звеном между сербским правительством, российскими общественными деятелями и православными жителями Боснии и Герцеговины. В книге нашлось место и для описания такого инструмента влияния в регионе, как тайные комитеты, и здесь появляются элементы детектива. Автор обнаружила в архивах ключи к шифрам, которые использовали М.Ф. Раевский, И.С. Аксаков и тайный комитет М. Бана (с. 26, 306). Эти сведения перевернули смысл переписки славянских комитетов с боснийскими деятелями. В частности, выяснилось, что в письмах книги означали ружье, школьная комиссия – сербское правительство, корреспондент – агент и т.д. (с. 306). Таким образом, можно сделать вывод, что славянофилы в истории Боснии и Герцеговины играли более активную роль, чем было принято считать. Это безусловно невероятная удача исследователя – найти источники, которые дают возможность пересмотреть давно устоявшиеся взгляды.

В заключение необходимо отметить, что книга Ксении Валерьевны Мельчаковой – это не только новые знания и вклад в науку, но и весьма увлекательное чтение о жизни и приключениях людей, живших в XIX в.

© 2020 г. *Пахомова Л.Ю.*
Lydia.pakhomova@gmail.com